

Литература

1. Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. – 2010. – № 10.
2. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». – М.: Прогресс, 1972.

Ибрагимов Р.Н.,

г. Абакан

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ГРЕХОИСЧИСЛЕНИЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАЗУИСТИКА

Опыт научного подхода к грехам человеческим насчитывает (в пределах христианской ойкумены) не менее 900 лет. Схоластическая братия занималась не только пустопорожними рассуждениями; одним из практических результатов их работы стала казуистика, методика расчета воздаяния за совершенные прихожанами грехи.

Этот факт часто упоминается как анекдотический. Однако своеобразный секуляризированный вариант казуистики вполне серьезно имеет широкое хождение в современном судопроизводстве – при расчете размеров компенсации за причинение «моральных страданий». Нетрудно догадаться, что, невзирая на форму и степень легитимности таких методик, в их основе лежат какие угодно, только не конкретно-социологические критерии и обоснования.

Подчеркну: количественный, даже финансовый расчет грехов существовал и существует. Но без участия социологии. Здесь, наоборот, часто слышится мнение, будто социология морали обладает сомнительным научным статусом. При том, что в соцопросники регулярно включаются формулировки «каково Ваше отношение к...» или «дайте оценку в баллах...», неизбывная скудность рубрики «Социология морали» в наших журналах нуждается как минимум в комментариях.

Первая причина подозрительного отношения к морали, состоящая в том, что моральные явления якобы не поддаются количественному выражению, на поверку оказывается мифом. Моральные оценки – такие же арифметические «штуки», как индивиды или семьи; и в той же мере поддаются классификации и систематизации.

И даже более сложные по своей морфологии феномены, такие, как справедливость или моральный долг, не только могут, но часто служат предметами исчисления. Последний пример, моральный долг, в этом плане особенно интересен. Ведь в числе мотиваций, подвигающих работников на превышение бюджета их рабочего времени, пункт «если не я, то кто же» занимает не последнее место. Эта величина и есть прямое количественное выражение чувства долга, а также – косвенное выражение *меры паразитарности общественных институтов*, эксплуатирующих его.

Вторая претензия. Моральный факт не обладает такой определенностью, как социальный факт.

Возражение. Природа социального факта – тема, актуальная для социологии на протяжении десятилетий. В частности, непреходящей проблемой являются тематические границы поиска этих фактов, размытость этих границ. Чих, например, производится человеком, но мало кто из профессионалов решится взять его в качестве аналитической единицы.

На этом фоне моральные события выгодно отличаются от социальных фактов «вообще» своей определенностью. Ничто, например, не выглядит настолько выпукло на социальном фоне, как поступок.

Или манифестация греха. Грех, как ни странно, является осмысленным действием априори, в отличие от рефлексивных или миметических действий. Поэтому в части вменяемости грешник – более человек, чем приличный человек «по привычке». А уж каким социогенетическим потенциалом обладают грехи! Грешник – птица стайная...

Третья претензия: субъективность, деонтичность моральных явлений. Эта претензия нейтрализуется предыдущим аргументом. При том, что

мотивация человеческого поведения заявлялась в качестве сферы «социальных причин» и предпочтительного объекта исследования классиками социологии еще столетие назад, даже ограничение предметного поля моральными поступками от субъективных моральных терзаний способно дать немало исследовательских направлений и программ.

Особенно важным в этом отношении является коммуникативный эффект моральных явлений вообще, и грехов/добродетелей в частности. Коммуникация – это не просто контакт индивидов, это контакт функций, носимых индивидами. Допустим, «алчность-жертвенность» – это социально-функциональная коммуникация. Экономические отношения всегда выстраиваются так, что чья-то алчность находит чью-то жертвенность, как штепсель – розетку. От того, что именно жертвуется в каждом конкретно-историческом случае, зависит и тип экономики. Или еще: кухонное изобилие было для монарха предметом не вожделения, не чревоугодия, а – внимание! – демонстративного пренебрежения. Закатывая многодневный пир своим дружинникам, бросая со стола объедки собакам и челяди, князь и король многократно усиливали эффект изобилия, эффект провокации чревоугодия демонстрацией презрения к еде.

Обеспечение нейтральности субъект-объектного отношения в такой деликатной теме, как «грех», есть не столько фундаментальная методологическая, сколько техническая проблема, которая, в свою очередь, распадается на ряд аспектов. Во-первых, дескриптивный аспект не должен смешиваться с прескриптивным, описание с предписанием, с морализированием. Если субъект-исследователь ясно понимает проблему, исключение прескрипций – это для него лишь вопрос владения модальной логикой.

Во-вторых, дефинитивный аспект обязывает определиться с предметным полем. Болтливость – это грех? Для поклонников Т.Канделаки, видимо, нет. В этом ракурсе определение класса исследуемых явлений требует конвенциональных процедур, хотя, если помнить вмененную

нейтральность понятия «грех», ничто не мешает сойтись на стандартных наборах вроде «семи смертных грехов».

В-третьих, сигнификативный аспект обращает внимание на терминологическую предпочтительность понятия «грех». Этой словесной оболочке соответствует, помимо собственно фиксируемых событий, еще и феноменальная реальность, отражение которой немаловажно в объяснительной части.

Преобладание пеккантивных интенций в общественном бытии имеет еще одно объяснение. Дело в том, что скорбно-медитативное состояние – одна из немногих реакций интеллигента на вызовы окружающей социальной среды. Ботанику трудно дать сдачи Хулигану; зато Ботаник может компенсировать физический и нравственный урон, уставясь на мир сквозь разбитые очки и задумавшись о вселенской природе хулиганства.

Как только в России появились интеллигенты, социальная мысль в ней немедленно приобрела крайние формы и необычайную интенсивность. Достоевский учил Ницше, Сорокин – Мертона. И важнейшим тематическим сегментом в наших умозрениях стало морализаторство.

Если принять к сведению, что любая морализаторская мысль есть продукт, получаемый в определенном состоянии умственной сосредоточенности, то избыточность социальной мысли имеет следствием только одно – избыточность предмета умственной сосредоточенности. Проще говоря, и морализаторство, и социология морали, и социология в целом возможны потому, что вокруг слишком много уродов. И социология морали может объявляться невозможной только потому, что Ботаник в процессе социолого-эмпирической суеты слишком часто рискует нарваться на Хулигана. Кстати, из 27 наших студентов-социологов, принимавших участие в последней переписи населения, в сложные, рискованные ситуации, потребовавшие вмешательства сопровождавших милиционеров, попадали все.